

А.А. Спицын

**Расселение древне-русских племён по
археологическим данным**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 902
ББК 63.4
А11

А11 **А.А. Спицын**
Расселение древне-русских племён по археологическим данным / А.А. Спицын – М.: Книга по Требованию, 2021. – 42 с.

ISBN 978-5-458-34562-0

ISBN 978-5-458-34562-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ковины, грузила, немногія вещи изъ мѣди, зерна пшеницы, кости человѣка и животныхъ, а иногда зола и угли. Площадки эти размѣщаются рядами и бываютъ разнообразной формы — въ видѣ креста, угла, удлиненнаго прямоугольника и пр., размѣровъ отъ 15×25 до 44×32 арш. Онѣ лежатъ въ спеціальныхъ выемкахъ земли, на глубинѣ до 50 сант., идутъ обыкновенно въ нѣсколько слоевъ толщиной 5 — 10 сант. каждый и по внѣшнему виду, растрескавшись отъ времени (?), напоминаютъ кладку изъ кирпичей. Наибольшее количество сосудовъ помѣщается у с.-з. края площадокъ. Большинство урнъ видѣрено въ самихъ площадкахъ, причемъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ устроены своего рода ниши, обмазанныя глиной. Ясныхъ слѣдовъ погребеній цѣлыхъ труповъ, повидимому, не отмѣчено, такъ какъ трудно признавать погребеніями найденные на нѣкоторыхъ площадкахъ небольшіе остатки человѣческихъ череповъ. Правда, въ одной изъ площадокъ открыта могильная яма, въ которой лежалъ костякъ въ скорченномъ положеніи, но, кажется, самъ г. Хвойко склоненъ признавать это погребеніе впускнымъ. Такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сосудахъ найдены пережженные кости, то трудно сомнѣваться, что въ этихъ памятникахъ древности мы встрѣчаемся съ трупосоженіями. Большіе сосуды имѣютъ яйцевидную форму, прямыя днища и весьма часто отверстія безъ всякой каймы, малые имѣютъ видъ разнообразныхъ чашекъ и стопокъ, иногда двойныхъ; есть чашки на короткихъ ножкахъ, какъ древне-греческіе сосуды. Росписью снабжена вся наружная поверхность сосудовъ, а у чашекъ иногда и внутренняя; она состоитъ изъ линій волнистыхъ, спиральныхъ, треугольныхъ, косоугольныхъ, елочками, изъ характерныхъ крупныхъ завитковъ и пр. Цвѣта орнамента — оранжевый, красноватый, бѣлый, сѣрый, темно-красный, коричневый, черный. Иногда рисунокъ исполненъ углубленными линіями, и тогда онъ обыкновенно заполненъ бѣлою массою. Среди находокъ также интересны довольно необычныя по позамъ глиняныя статуэтки грубой работы. Кроме мѣстности раскопокъ г. Хвойки (Веремье и Жуковцы Кіевского уѣзда), тѣ же памятники древности въ разное время найдены были въ Кіевской губ. въ самомъ Кіевѣ, въ Грицинцахъ Каневского уѣзда, въ Васильковѣ Звенигородскаго, въ с. Крымокъ Чигиринскаго и въ м. Романовкѣ Сквирскаго уѣзда (здѣсь найдена камера изъ необожженнаго краснаго кирпича, въ которой оказались угли, зола, жженные кости, грузила, нѣсколько сосудовъ и 6 статуэтокъ); найдены они еще въ Криничкахъ

Балтскаго уѣзда, Подольской губ. ¹⁾). На австрійскомъ Подолѣ, гдѣ поля расписныхъ урнъ открыты уже 20 лѣтъ тому назадъ, такіе памятники древности извѣстны болѣе, чѣмъ въ 12 мѣстахъ, главнымъ образомъ между Днѣстромъ и Збручемъ ²⁾). Особый интересъ имѣютъ для насъ раскопки этихъ „кирпичныхъ“ гробницъ въ Билчѣ Злотомъ Борисовскаго повѣта; здѣсь мы съ полною отчетливостью наблюдаемъ совершенно тотъ же обрядъ погребенія въ урнахъ, какой господствуетъ во всѣхъ древнихъ погребеніяхъ славянскихъ земель и который можно признавать усвоеннымъ славянами и характернымъ для нихъ, именно помѣщеніе остатковъ сожженныхъ тѣлъ въ особыхъ грунтовыхъ камерахъ, въ урнахъ. Расписные сосуды, найденные въ другихъ мѣстностяхъ Днѣстра, а также по Серету и въ Румыніи, принадлежать, быть можетъ, къ тому же типу, какъ кіевскіе и галицкіе; извѣстные сilesкіе расписные сосуды, а также найденные въ Босніи, Моравіи, Нижней Австріи и въ Венгріи, повидимому, принадлежатъ другой эпохѣ, имѣютъ другой характеръ, хотя, можетъ быть, происходятъ изъ одного общаго источника, который пока еще невозможно указать ³⁾). Кіевскіе расписные сосуды въ высокой степени интересны тѣмъ, что формы ихъ и орнаментъ чрезвычайно разнообразны тѣмъ, что сосуды этого типа нигдѣ не найдены въ такомъ обиліи, и тѣмъ еще, что, повидимому, ихъ придется признать древнѣйшими изъ извѣстныхъ. Ихъ изученію должно лечь въ основу всякаго труда объ этомъ родѣ памятниковъ старины. На русской почвѣ культура расписныхъ сосудовъ является предшественницей эллиптической, а, быть можетъ, и скифской. Она или одновременна культурѣ кургановъ съ окрашенными костяками, или нѣсколько раньше ея. Если обратиться къ историческимъ именамъ, то естественно назвать имя невровъ, какъ племени, о которомъ ближе всего вспомнить, обсуждая вопросъ, какому народу могли принадлежать диѣпровскіе и днѣстрианскіе расписные сосуды.

¹⁾ Ни здѣсь, ни въ дальнѣйшемъ изложеніи не помѣщаемъ ссылокъ на точнѣе; ихъ можно найти въ нашихъ обзорнѣяхъ губерній въ археологическомъ отношеніи, помѣщенныхъ въ I, II и IV книгахъ Трудовъ Русск. Отдѣл. Имп. Русск. Археолог. Общ.

²⁾ О раскрашенныхъ сосудахъ Моравіи и Нижней Австріи см. у *Pallardi*, Die neolithisch. Ansiedelungen mit bemalten Keramik im Mähren und Niederrösterreich in Mittheil. der prähist. Commis. der Kais. Akad. der Wissensch. B. I, № 4, 237—264.

³⁾ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, т. II, III, VIII, XIV, XV и XVIII

Въ предѣлахъ Россіи встрѣчаются и другіе памятники старины, имѣющіе близкое отношеніе къ вопросамъ по древнѣйшей исторіи славянъ, именно каменные кисты съ урнами, заключающими остатки трупосожженій. Такія кисты отмѣчены, правда, еще въ немногихъ мѣстахъ, но въ обширномъ районѣ, а это даетъ увѣренность, что современемъ ихъ найдено будетъ несравненно большее количество. Не говоря о Польшѣ, гдѣ каменныхъ кистъ извѣстно уже много, онѣ обнаружены еще въ Кіевской губ., именно близъ Глинницы, Минейки и Вышевичи по р. Тетереву, въ Волинской губ. въ с. Новомалинѣ Острожскаго уѣзда и въ д. Кременицѣ и въ Минской губ. въ д. Зыковцы Минскаго уѣзда. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ найдены были помѣщенные въ кистахъ урны съ сожженными костями, болѣе мелкіе сосуды и различныя подѣлки каменнаго вѣка. Такія же кисты найдены еще на Бугѣ противъ Бреста (Костомлоты и Блотково), а также на Наревѣ (Піонтница Сувалкской губ.). Какъ извѣстно, въ наибольшемъ количествѣ каменные кисты встрѣчаются въ низовьяхъ Вислы, откуда онѣ заходятъ также на Варту и даже на Одеръ. Въ древностяхъ Пруссіи и Польши прослѣживается и переходъ отъ погребенія въ каменныхъ кистахъ къ погребеніямъ въ однихъ урнахъ безъ кистъ, доходящимъ въ этомъ видѣ до времени распространенія въ странѣ христіанства.

Но все это памятники древности той поры, которой едва лишь позволительно коснуться. Здѣсь только что накаплиются матеріалы, которыми воспользоваться врядъ ли когда-либо выпадетъ на нашу долю. Археологія выступаетъ болѣе рѣшительно тамъ, гдѣ она можетъ опираться на письменныя свидѣтельства, то-есть въ древностяхъ начиная отъ IX—X вѣка. Съ анализа лѣтописныхъ извѣстій мы и можемъ приступить къ изложенію нашей спеціальной темы.

Достойная удивленія по ширинѣ и опредѣленности картина расселенія древне-русскихъ племенъ, нарисованная Несторомъ, имѣетъ однако существенный недостатокъ—совершенное отсутствіе исторической перспективы. Нашъ лѣтописецъ не знаетъ, въ какой постепенности заселяли эти племена страну, не отмѣчаетъ, какъ они группируются по этнографической близости, какія изъ нихъ наиболѣе сильны и какія слабы. Это лишь каталогъ народовъ, какіе мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ географіяхъ и периплахъ, достаточныхъ для цѣлей политическихъ и торговыхъ, но совершенно неудовлетворительныхъ въ отношеніи этнографическомъ. Лѣтопись даетъ простое перечисленіе племенныхъ названій по мѣстностямъ, какъ они установились въ практиче-

скомъ употребленіи у кіевлянъ XI вѣка. Скупость ея по части этнографическихъ подробностей, быть можетъ, объясняется также и тѣмъ, что составлена она въ эпоху единообразнаго политическаго настроенія, когда для наблюдателя изъ центра племенные мѣстные отличія не имѣли ни цѣны, ни интереса. Кромѣ того, первоначальная лѣтопись наша знаетъ лишь преданіе о послѣднемъ движеніи славянъ къ Днѣпру, связанное съ именемъ аваровъ и дулѣбовъ и сохранившееся у кіевской Руси; если она и включаетъ въ общую картину расселенія славянъ по Русской землѣ также имена современныхъ сѣверныхъ племенъ, то скорѣе ради единообразія литературнаго приѣма. Этотъ недостатокъ историко-этнографической перспективы въ сказаніяхъ лѣтописи и должна попытаться пополнить археологія, вмѣстѣ съ филологією и антропологією. На долю этихъ наукъ падаетъ и другая, неизбѣжная задача по отношенію къ разказу Нестора о расселеніи древне-русскихъ племенъ—провѣрить самый перечень племенъ, имъ представленный. Какъ ни цѣнно, какъ ни заслуживаетъ довѣрія свидѣтельство современника, оно всегда должно быть взвѣшено и оцѣнено, прежде чѣмъ имъ пользоваться.

Въ послѣднее время филологія, очевидно, уже начинаетъ чувствовать себя въ силахъ исполнить предстоящую ей задачу. Всего яснѣе выражается это въ осторожныхъ, но огромныхъ трудахъ проф. Соболевскаго и въ смѣлой картинѣ расселенія древно-русскихъ племенъ, нарисованной такъ недавно академикомъ Шахматовымъ. Вполнѣ сознаемъ, что роль археологіи еще впереди. Если филологія чувствуетъ недостаточность наблюденій и фактовъ, то въ еще большей мѣрѣ это примѣнимо къ археологіи, матеріалъ которой добывается съ несравненно большими усиліями: онъ еще незначителенъ, крайне разбросанъ, отрывоченъ, неполонъ. Но все же, повидимому, пришло время собрать воедино то, что уже добыто: быть можетъ, даже простое сличеніе матеріала дастъ нѣкоторые положительные результаты, а кромѣ того, оглянувшись на пройденное, легче будетъ видѣть, куда слѣдуетъ идти далѣе. Сдѣлавъ эту необходимую оговорку, мы смѣлѣе вводимъ читателя въ несовсѣмъ обычную область, гдѣ господствуетъ своя особая терминологія, особый матеріалъ, особые приемы изслѣдованія.

(Обращаемся прежде всего къ древнѣйшему періоду, памятникамъ IX и X вѣковъ.

Несторъ (и только онъ одинъ) даетъ намъ весьма цѣнное указаніе объ обрядѣ погребенія у русскихъ славянъ въ эпоху образованія

нашего государства: „Аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, а посемь творяху краду велику, и възложашуть и на краду, мертвеца сожжаху, и посемь собравше кости вложашу въ судину малу, и поставляху на столпъ на путехъ“. Повидимому, лѣтопись усволяетъ такой обрядъ погребенія всѣмъ безъ различія русскимъ племенамъ языческой поры. Уже это одно говорить не въ пользу точности приведеннаго извѣстія. Другія подробности его еще болѣе уснаиваютъ недоумѣніе. Слово „столпъ“ нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ погребенія на деревянномъ столбѣ или въ немъ (напримѣръ, въ нишѣ) не имѣютъ нигдѣ аналогій и невозможны, а каменныхъ столбовъ совершенно неизвѣстно. Въ сосудцы „малые“ прахъ никогда не былъ собираемъ; напротивъ, сожженные кости всегда помѣщались въ сосудахъ большихъ размѣровъ, а малые ставились при нихъ съ пищей и питьемъ. Поставленіе сосудовъ „на путехъ“ очень вѣроятно, такъ какъ пути какъ разъ соединяютъ всегда самыя удобныя и живописныя мѣста, естественно избираемая и какъ мѣста погребенія, но возводить устройство кладбищъ на дорогахъ въ общее правило врядъ ли у кого-либо входило въ намѣренія. Очевидно, что въ XI вѣкѣ преданія о старомъ обрядѣ погребенія у русскихъ племенъ сохранились уже весьма неточныя, и изъ приведеннаго разказа лѣтописи можно принять лишь самое существенное, именно указаніе, что русскія племена въ періодъ до призванія варяговъ и до принятія христіанства подвергали своихъ покойниковъ сожженію, причемъ прахъ ихъ былъ собираемъ въ урны, а урны помѣщались въ особыхъ мѣстахъ, сосредоточенно, или разсѣянно. Курганы еще совершенно отсутствуютъ. Въ этомъ видѣ описанный Несторомъ обрядъ погребенія вполне совпадаетъ съ тѣми данными, которыя имѣются о способѣ погребенія въ такъ называемыхъ поляхъ урнъ, характерныхъ для всѣхъ славянскихъ странъ. Такія поля урнъ мы и должны ожидать встрѣтить у древне-русскихъ племенъ, по меньшей мѣрѣ у юго-западныхъ, преданія которыхъ Нестору были доступны.

Несомнѣнные слѣды погребеній въ отдѣльныхъ урнахъ у насъ уже найдены, въ бассейнѣ Днѣпра, но пока въ ограниченномъ количествѣ. Одна урна со жжеными костями найдена въ Кіевѣ близъ Іорданской церкви; такія же урны найдены были на рѣкѣ Тасминѣ въ деревнѣ Рейментаровкѣ Чигиринскаго уѣзда, одна урна найдена на правомъ берегу Роси противъ с. Телѣжинецъ Таращанскаго уѣзда, одна близъ деревни Саверцы Сквирскаго уѣзда, одна близъ г. Канева и еще какая то „пепельница“ открыта была въ давнее время въ Хо-

доровѣ надъ Днѣпромъ (въ Каневскомъ уѣздѣ). Противъ Кіева въ Никольской слободѣ въ песку обнаружены разбитые грубой работы сосуды со жжеными костями внутри, и тутъ же открыты жженные точки. Недалеко отъ Переяславля Полтавской губерніи у села Хощки открыты 2 урны съ жжеными костями и близъ нихъ найдены каменные, мѣдные и желѣзные наконечники стрѣлъ. На Волини известна одна только мѣстность, гдѣ была найдена урна, да и то неизвѣстно, того ли погребальнаго обряда, о которомъ мы говоримъ, именно въ деревнѣ Пусто-Иваньѣ близъ Дубна. Урны съ сожженными костями встрѣчены и въ Галиціи, на примѣръ въ Квачалѣ. Въ предѣлахъ юго-западной Руси есть еще мѣстность, гдѣ встрѣчены поля погребальныхъ урнъ, именно теченіе Буга близъ Бреста. Здѣсь въ Костромлятахъ найдены прикрытыя блюдами урны съ сожженнымъ прахомъ, въ которыхъ оказались также различныя металлическія подѣлки. Ближайшими кандидатами на эти урны могли бы быть, на первый взглядъ, западные сосѣди наши, поляки, но въ виду извѣстія Нестора объ обитавшихъ въ этихъ мѣстахъ дулѣбахъ необходимо обождать съ рѣшеніемъ вопроса, кому онѣ могли принадлежать, какъ и урны, найденныя на Наревѣ (Піонтница, Тыцокинь) и даже сѣвернѣе, въ бассейнѣ рѣки Нѣмана (Черниковизна и Юстиново Сувалкской губ.).

Вотъ и все, что пока извѣстно о существованіи полей погребальныхъ урнъ къ востоку отъ Польши, страны, столь богатой такими полями. Усилія археологовъ и любителей въ будущемъ, несомнѣнно, очень умножатъ эти свѣдѣнія, если на отысканіе погребальныхъ урнъ будетъ обращено достаточно вниманія. Выше Припяти мы не знаемъ ни малѣйшихъ слѣдовъ погребеній докурганнаго періода и не знаемъ, гдѣ ихъ искать. Одно можно утверждать, что, по всей вѣроятности, и здѣсь было въ обычаѣ сожженіе труновъ, если судить по тому, что этотъ обрядъ сохранялся въ данныхъ мѣстностяхъ еще довольно долгое время и съ появленіемъ обычая сооружать курганы.

Слѣдующій у насъ по времени за погребеніемъ въ урнахъ обрядъ погребенія сожженнаго трупа въ курганахъ—господствуетъ въ русскихъ земляхъ въ теченіе всего X вѣка, но появляется онъ ранѣе, быть можетъ, въ половинѣ IX вѣка, въ Новгородской области, на р. Волховѣ. Курганы этой мѣстности вообще имѣютъ большой объемъ. Это настоящіе гиганты въ сравненіи съ позднѣйшими русскими курганными насыпями; крупнѣйшій изъ раскопанныхъ на Волховѣ кургановъ имѣлъ въ вышину около 14 арш., но есть и болѣе высокіе. Это крѣпкія крутобокія насыпи, обыкновенно окруженныя по подошвѣ

крупными камнями, изрѣдка представляющими родъ стѣны или цоколя. Въ основаніи всѣхъ безъ исключенія насыпей примѣтеть черныи слой съ мелкими кусочками угля, и у большинства здѣсь же расположены различныя сооружеія изъ валуновъ и плить, въ видѣ кучъ, стѣнокъ, угловъ и небольшихъ помостовъ; вблизи такихъ сооружеій обыкновенно попадаются угли, а иногда сожженные кости челоуѣка. Въ разрѣзѣ насыпи на ея срединѣ обыкновенно виденъ слой пепла, идущій куполообразно отъ самаго низа. Обрядъ погребенія—сожженіе внѣ могилы. Остатки сожженныхъ костей помѣщаются въ насыпи, чаще всего недалеко отъ ея вершины, иногда въ глиняномъ сосудѣ; иногда же они оказываются въ срединѣ насыпи или даже въ особой ямкѣ, вырытой въ материкѣ. Въ средней части нѣкоторыхъ высокихъ насыпей, между подошвой ихъ и вершиной, заложены еще другіе помосты и сооружеія изъ камней, съ костями и безъ костей. Находки вещей бываютъ самыя незначительныя. Между грудами камней и въ сосудахъ вмѣстѣ съ сожженными костями попадаютъ отдѣльныя кости домашнихъ и дикихъ животныхъ. Таковъ общій видъ новгородскихъ сопокъ, распространенныхъ по всѣмъ главнымъ воднымъ путямъ края—Волхову, Ловати, Мстѣ. Безъ сомнѣнія, къ этому же типу принадлежатъ высокіе курганы, извѣстные въ Смоленской губ. (близъ Смоленска), въ Черниговской (Черная могила въ Черниговѣ), въ Кіевѣ (Аскольдова могила) и на Воляни (Искорость). Вещи, найденныя въ сопкахъ, можно относить ко времени не позднѣе X вѣка, но между ними есть такія, которыя приходится опредѣлять IX вѣкомъ, если даже не концомъ VIII вѣка; такова особенно мѣдная бляшка-тройчатка, найденная въ одной изъ волховскихъ сопокъ. Одновременно съ крупными сопками, безъ сомнѣнія, сооружались и курганы средней высоты, начиная отъ 3-хъ аршинъ; съ теченіемъ времени появляются, еще въ X вѣкѣ, курганы малые отъ 1½ арш. высотой, которые въ XI вѣкѣ уже преобладаютъ.

Курганы типа новгородскихъ сопокъ являются у насъ не путемъ постепеннаго развитія, а вразъ. Откуда именно—въ этомъ не трудно разобратъся. Это курганы самыя ранніе изъ числа собственно-русскихъ, распространяются они сперва въ Новгородской области и по своему устройству одинаковы съ курганами скандинавскими—всѣ эти данныя говорятъ ясно и рѣшительно, что наши сѣверныя сопки оставлены отчасти самими норманнами, а главнымъ образомъ новгородцами, перенявшими у норманновъ обычай погребенія въ сопкахъ, какъ не противорѣчащій ихъ религіознымъ взглядамъ. Въ Скандинавіи ближайшую

аналогію новгородскія сопки имѣютъ въ извѣстныхъ курганахъ Одина, Фрея и Тора, раскопанныхъ близъ Упсалы. Изъ нихъ курганъ Торз имѣлъ въ вышину до 5 сажень. Въ центрѣ основанія его помѣщалась куча камней, прикрывавшая сожженные кости человѣка и животныхъ, и подобная же находилась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ центра. Въ насыпи была примѣтна темная прослойка, идущая куполообразно, а ближе къ вершинѣ оказалось еще нѣсколько камней, со слѣдами при нихъ угля. Въ курганѣ Одина сожженные кости сложены были въ урну, помѣщенную въ грунтовой ямѣ. Найденныя въ упсальскихъ курганахъ вещи говорятъ за время, предшествующее новгородскимъ сопкамъ ¹⁾. Въ курганѣ, раскопанномъ близъ Мёклебюста и имѣвшемъ въ вышину около 2-хъ сажень, сожженные кости помѣщены были также въ грунтовой ямѣ; въ основаніи насыпи находились остатки кострища, а самый курганъ обнесенъ былъ рвомъ съ перемычками. Этотъ курганъ по времени, повидимому, уже прямо соответствуетъ древнѣйшимъ новгородскимъ сопкамъ ²⁾.

Естественно думать, что съ водвореніемъ въ русской землѣ норманновъ въ качествѣ правящаго класса курганный обрядъ погребенія дѣлается здѣсь покровительствуемымъ, послѣ господствующимъ и наконецъ государственнымъ. Принятіе христіанства, соединенное съ полнымъ и общимъ признаніемъ Рюриковичей, нисколько не помѣшало дальнѣйшему усполю и развитію обычая сооружать погребальныя курганы. Христіанство и курганы идутъ у насъ рука объ руку.

Принимая это положеніе, археологъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ показать всю постепенность дальнѣйшаго перехода на русской почвѣ отъ одного типа курганныхъ насыпей къ другимъ, и отъ этихъ къ слѣдующимъ, пока онѣ совершенно здѣсь не исчезаютъ, вырождаясь въ общій типъ христіанскихъ погребеній. Только въ такомъ случаѣ предположеніе это можетъ составить прочное достояніе науки. Къ сожалѣнію, при недостаткѣ изслѣдованій мы пока лишены возможности указать эти переходы. Правда, представляется несомнѣннымъ, что древнѣйшіе курганы появляются въ сѣверно-русскихъ областяхъ, послѣ они переходятъ въ восточныя и, наконецъ, въ юго-западныя земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя считать вполне доказаннымъ, что исход-

¹⁾ Kongl. Vitterh. Hist. och. Antiqu. Akad. Månadsblad. IV, стр. 250—260.

²⁾ См. въ интересной статьѣ г. Щепкина, Скандинавскій обрядъ погребенія съ кораблемъ, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1894, 9.— Скандинавскіе курганы происходятъ, безъ сомнѣнія, отъ кургановъ сѣверной Германіи.

нымъ пунктомъ распространенія кургановъ во всѣхъ областяхъ послужили именно новгородскія сопки. Во-первыхъ, курганы болѣе ранняго времени, чѣмъ въ русскихъ земляхъ, извѣстны на ихъ западной окраинѣ, въ бассейнѣ р. Немана; эти курганы заключаютъ въ себѣ также остатки сожженныхъ труповъ, также кругомъ основанія имѣютъ рвы и вѣщицы изъ камней¹⁾. Во-вторыхъ, древнѣе курганы съ сожженіемъ имѣются также въ Галиціи, и врядъ-ли они возникаютъ здѣсь подъ вліяніемъ норманновъ, какъ и связанные съ ними курганы другихъ славянскихъ земель, напримѣръ Чехи. Въ связи съ галицкими курганами находятся, по всей вѣроятности, и курганныя насыпи ранней поры, расположенныя между Бугомъ и Вислою, происхожденіе которыхъ тоже врядъ-ли можетъ быть объяснено русскимъ, южнымъ или сѣвернымъ вліяніемъ. Есть и еще какіе-то давнѣе курганы съ сожженіемъ по р. Угрѣ въ Калужской губ., которые также нельзя рѣшиться положить въ число развившихся подъ норманскимъ вліяніемъ. Наконецъ, въ области кривичей имѣются совершенно особые древнѣе курганы въ видѣ валовъ, неизвѣстные, насколько мы знаемъ, въ Скандинавіи.

Оставляя до будущихъ изысканій столь осложненный вопросъ о происхожденіи курганнаго погребальнаго обычая въ отдѣльныхъ концахъ русскихъ земель, приступаемъ къ изложенію имѣющихся свѣдѣній о нашихъ курганахъ X вѣка, по областямъ.

Въ Новгородской области сопки описаннаго типа, а также курганы съ сожженіемъ меньшей величины изслѣдованы въ слѣдующихъ мѣстностяхъ, составляющихъ какъ-бы особые географическіе районы: въ низовьяхъ Волхова (Ладога, Архангельскій погостъ), въ низовьяхъ Ловати (раскопки Л. К. Ивановскаго), окрестности озера Самро въ Петербургской губ. (погосты Доложскій, Лосницкій и Горнечное), въ верховьяхъ Мсты въ Боровичскомъ уѣздѣ (Юрьева, Гридино, Рыкачево, Горки, Любинецъ и пр.) и, наконецъ, въ Гѣжецкомъ верхѣ (Маслово, Абакумово, Городище, Залужье, Боженки, Бѣжецкъ), всего 5 районовъ.

Древнѣйшими курганами въ странѣ кривичей, общими для кривичей полоцкихъ, смоленскихъ и псковскихъ, являются курганныя насыпи въ видѣ валовъ, имѣющихъ въ длину иногда до десятка сажень. У псковичей такіе курганы извѣстны въ Гдовѣ, близъ Пскова

¹⁾ Сличимъ, Предполагаемые литовскіе курганы VIII—IX вѣка. Труды Русск. отдѣл. Императ. Русск. Археолог. Общества, кн. I, 103—114.

(Логасовичи) и Опочки, у полочанъ близъ Себежа, Сѣнно и въ Борисовскомъ уѣздѣ, у смоленскихъ кривичей главнымъ образомъ въ Смоленскомъ и Духовщинскомъ уѣздахъ (Лонино, Арсфино, Городокъ, Мядынь, Хотынь, Ирцева, Дрокова), а также въ Бѣльскомъ; какъ на самый окраинный курганъ этого типа можемъ указать на насыпь въ видѣ вала, расположенную близъ с. Извѣдова на самыхъ верховьяхъ Волги въ Осташковскомъ уѣздѣ. Кажется, что смоленскіе длинные курганы вообще короче, чѣмъ полоцкіе. Есть указанія, что полоцкіе длинные курганы заключаютъ рядъ погребальныхъ урнъ съ сожженными костями, помѣщенныхъ въ верхней части насыпи; смоленскіе курганы этого типа заключаютъ, кажется, въ одномъ концѣ кострище, а въ другомъ сожженные кости; однако до опубликованія результатовъ произведенныхъ въ нихъ раскопокъ мы лишены возможности имѣть точное сужденіе о наблюдаемомъ въ нихъ обрядѣ погребенія. Точно также еще не выдѣлены вещи, найденныя въ этихъ курганахъ, и мы не можемъ составить яснаго представленія объ ихъ типахъ. Если, какъ мы считаемъ за вѣроятное, длиннымъ смоленскимъ курганамъ принадлежатъ желѣзныя удила съ усиками, желѣзныя пряжки старыхъ типовъ, характерныя обоймицы въ видѣ лоточка съ ушкомъ, большой мѣдный бубенчикъ, мѣдная подвѣска въ видѣ колпачка съ пластинчатыми привѣсками, спиральки и синія бусы, то ихъ можно относить къ IX и началу X вѣка, а самую культуру сближать съ древностями предполагаемыхъ литовскихъ кургановъ и отчасти съ древностями Люцинскаго могильника.

Остальные курганы съ сожженіемъ въ странѣ кривичей имѣютъ обыкновенную полушарую форму. Исслѣдованныя близъ погоста Лыбуты псковскія сопки имѣли вышину отъ $3\frac{1}{4}$ до $5\frac{1}{2}$ арш., то-есть, сравнительно большую. Въ насыпи на высотѣ $\frac{2}{3}$ отъ подошвы найдены были кострища иля, вѣрнѣе, остатки кострищъ съ сожженными костями, среди которыхъ попадались различные, попорченныя огнемъ, предметы (черепки сосудовъ съ волнистымъ орнаментомъ, мѣдныя спиральки, желѣзныя пряжки, бусы, бляшки отъ пояснаго набора, желѣзныя обоймицы съ ушкомъ на концѣ и пр.). Близъ одного изъ кургановъ найденъ самый очагъ, на которомъ производилось сожженіе труповъ. Онъ состоялъ изъ круглаго булыжнаго помоста до 2 арш. въ діаметрѣ. Камни помоста оказались перекаленными, а между ними найдены мѣдныя слитки, обломки перегорѣвшихъ желѣзныхъ вещей и мелкіе черепки отъ сосудовъ. Въ самомъ большемъ изъ кургановъ трупъ сожженъ былъ въ насыпи, также на высотѣ $\frac{2}{3}$ отъ основанія, въ особомъ деревянномъ домищѣ, составленномъ изъ березовыхъ плахъ.